

Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода — эпизод 17 из 19

Граждане, гонимые тоскою из домов своих, нередко видали по ночам, при свете луны, старца Феодосия, стоящего на коленях пред храмом Софийским; юная Ксения вместе с ним молилась, но мать ее, во время тишины и мрака, любила уединяться на кладбище Борецких, окруженном древними соснами: там, облокотясь на могилу супруга, она сидела в глубокой задумчивости, беседовала с его тению и давала ему отчет в делах своих.

Наконец ужасы глады сильно обнаружились, и страшный вопль, предвестник мятежа, раздался на стогах. Несчастные матери зывали: Грудь наша иссохла, она уже не питает младенцев! Добрые сыны новгородские восклицали: Мы готовы умереть, но не можем видеть лютой смерти отцов наших! Борецкая спешила на Вадимово место, указывала на бледное лицо свое, говорила, что она разделяет нужду с братьям и новгородскими и что великодушное терпение есть должность их... В первый раз народ не хотел уже внимать словам ее, не хотел умолкнуть; с изнурением телесных сил и самая душа его ослабела; казалось, что все погасло в ней и только одно чувство глады терзало несчастных. Враги посадницы дерзали называть ее жестокою, честолюбивою, бесчеловечною... Она содрогнулась... Тайные друзья Иоанновы кричали пред домом Ярославовым: Лучше служить князю московскому, нежели Борецкой; он возвратит изобилие Новуграду: она хочет обратить его в могилу!.. Марфа, гордая, величавая, вдруг упадает на колена, поднимает руки и смиренно молит народ выслушать ее... Граждане, пораженные сим великодушным унижением, безмолвствуют... В последний раз, вещает она, в последний раз заклинаю вас быть твердыми еще несколько дней! Отчаяние да будет нашею силою! Оно есть последняя надежда героев. Мы еще сразимся с Иоанном, и небо да решит судьбу нашу!.. Все воины в одно мгновение обнажили мечи свои, зывая: Идем, идем сражаться! Друзья Иоанновы и враги посадницы умолкли. Многие из граждан прослезились, многие сами упали на колена пред Марфою, называли ее матерью новгородскою и снова клялись умереть великодушно. Сия минута была еще минутою торжества сей гордой жены. Врата Московские отворились, воины спешили в поле: она вручила хоругвь отечества Делинскому, который обнял своего друга и, сказав: Прости навеки!, удалился.

Войско Иоанново встретило новгородцев... Битва продолжалась три часа, она была чудесным усилием храбрости... Но Марфа увидела наконец хоругвь отечества в руках Иоаннова оруженосца, знамя дружины великодушных в

руках Холмского, увидела поражение своих, воскликнула: Совершилось!, прижала любезную дочь к сердцу, взглянула на лобное место, на образ Вадимов и тихими шагами пошла в дом свой, опираясь на плечо Ксении. Никогда не казалась она величественнее и спокойнее.

Делинский погиб в сражении, остатки воинства едва спасения. Граждане, чиновники хотели видеть Марфу, и широкий двор ее наполнился толпами людей; она растворила окно, сказала: Делайте что хотите! и закрыла его. Феодосий, по требованию народа, отправил послов к Иоанну: Новгород отдавал ему все свои богатства, уступал наконец все области, желая единственно сохранить собственное внутреннее правление. Князь московский отвечал: Государь милует, но не приемлет условия. Феодосий в глубокую ночь, при свете факелов, объявил гражданам решительный ответ великого князя... Взор их невольно искал Марфы, невольно устремился на высокий терем ее: там угасла ночная лампада! Они вспомнили слова посадницы... Несколько времени царствовало горестное молчание. Никто не хотел первый изъявить согласия на требование Иоанна; наконец друзья его ободрились и сказали: Бог покоряет нас князю московскому; он будет отцом Новаграда. Народ пристал к ним и молил старца быть его ходатаем. Граждане в сию последнюю ночь власти народной не смыкали глаз своих, сидели на Великой площади, ходили по стогнам, нарочно приближались к воротам, где стояла воинская стража, и на вопрос ее: Кто они? еще с тайным удовольствием отвечали: Вольные люди новгородские! Везде было движение, огни не угасали в домах: только в жилище Борецких все казалось мертвым. Солнце восходило и лучи его озарили Иоанна, сидящего на троне, под хоругвию новгородскую, среди воинского стана, полководцев и бояр московских; взор его сиял величием и радостью. Феодосий медленно приближался к трону; за ним шли все чиновники великого града. Посадник стал на колена и вручил князю серебряные ключи от врат Московских тысяцкие преломили жезлы свои, и старосты пяти Концов новгородских положили секиры к ногам Иоанновым. Слезы лились из очей Феодосия. Государь Новаграда! сказал он, и все бояре московские радостно воскликнули: Да здравствует великий князь всея России и Новаграда!.. Государь! продолжал старец. Судьба наша в руках твоих.